

О.А. Аршинцева, А.Е. Глушков
Локарно, 80 лет назад

5 октября 1925 г. в швейцарском курортном городке Локарно, расположенном в южных отрогах Альп, на берегу тихого красивого горного озера Лаго-Маджоре (швейцарско-итальянская граница) открылась необычная международная конференция. В ней впервые после окончания Первой мировой войны принимала участие в качестве равноправного партнера делегация Германии наряду с делегациями Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Польши и Чехословакии. Большинство делегаций возглавляли министры иностранных дел. Во главе германской делегации официально был канцлер Г. Лютер, но ее истинным лидером и душой был министр иностранных дел Г. Штресеман. Став руководителем германского МИДа в 1923 г., он быстро проявил себя как выдающийся дипломат, отличающийся прагматизмом и гибкостью. Из поражения Германии в Первой мировой войне Штресеман сделал вывод, что у германского могущества есть известный предел: страна может быть только одной из великих европейских держав. Добиться возвращения Германии в концерн великих держав Штресеман рассчитывал путем сотрудничества с западными странами.

На Локарнской конференции не было привычного для такого рода собраний председателя, хотя фактически все заседания вел министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен. Заседания проходили в закрытом режиме, официальных протоколов не писали. Но каждая делегация делала собственные записи, отмечая наиболее подробно то, что представляло особый интерес именно для неё. Записи секретарей бельгийской, британской, итальянской, немецкой и французской делегаций были обнаружены среди архивных документов германского МИДа, ставших трофеями Советской Армии в конце Второй мировой войны; их впервые опубликовали в середине XX в. в СССР вместе с другими документами, раскрывающими механизм подготовки Локарнской конференции [1]. Они используются в настоящей статье.

Конференция длилась 12 дней. За это время было проведено 9 заседаний. Делегации Польши и Чехословакии приглашались лишь на два последних заседания, на которых рассматривались проблемы, касающиеся этих государств. Вопро-

сы обсуждались не только на общих заседаниях, но и в привычной для дипломатов высокого ранга обстановке: в ходе частных встреч, во время пеших экскурсий по живописным горным окрестностям и прогулок на лодках по озеру. Это были своеобразные «встречи без галстуков». После каждого заседания о ходе работы конференции готовилось коммюнике самого общего характера для прессы. Не обходилось и без утечки конфиденциальной информации и публикаций сенсационных материалов в газетах. Так, уже на второй день работы конференции итальянская газета «Пополо д'Италия» напечатала материал о выступлении министра иностранных дел Бельгии Э. Вандервельде на первом заседании, в котором бельгиец якобы критиковал европейскую политику Франции. В комментарии газета квалифицировала выступление Вандервельде как «симптомы конца франко-бельгийского союза». Газетная статья стала предметом обсуждения участников конференции. Чемберлен призвал делегатов соблюдать конфиденциальность заседаний.

На Локарнской конференции обсуждались вопросы европейской безопасности, основополагающие принципы которой были заложены Версальской системой международных отношений, созданной победителями после окончания Первой мировой войны. Версальская система рассматривалась как многополярная в реальной практике и либерально-демократическая по провозглашенным принципам модель международных отношений. По замыслам её создателей, она должна отражать общечеловеческие ценности, положенные в основу западной цивилизации: демократия, право, безопасность. Почему же в середине 1920-х гг. проблемы европейской безопасности вновь были поставлены на повестку дня?

Многие десятилетия в отечественной историографии существовала единая точка зрения, что Версальская система международных отношений не могла обеспечить мир и безопасность в Европе. Для советских историков ключевой установкой в ее оценке были известные слова Ленина о том, что Версальский договор является «унизительным» и «несправедливым» для Германии, а новый миропорядок «держится на вул-

кане» [2, с. 353]. Исходя из ленинской характеристики мирного договора и всей системы в целом, советские историки видели в международных отношениях между двумя мировыми войнами только проявление «межимпериалистических противоречий» и антисоветизма. Существовавшие механизмы обеспечения мира и безопасности в советской литературе назывались «слабыми», «абсурдными» и «неэффективными», из чего закономерно вытекал вывод о том, что Версальский мир превратил войну в постоянную угрозу, нависшую над всем миром [3, с. 166].

Современные отечественные исследователи не подчеркивают связь между Версальским миропорядком и Второй мировой войной, но в оценках системы мирного урегулирования на первый план по-прежнему выдвигаются противоречия: между победителями и побежденными, внутри лагеря победителей, между странами европейской периферии. В этом подходе очевидно просматривается традиционный вывод о «вулкане» и неизбежности войны [4].

Примечательно, что никто из критиков Версальского миропорядка не сказал (и вряд ли может сказать), какие принципы следует заложить в его основание, чтобы послевоенный миропорядок стал эффективным и устраивал как победителей, так и побежденных. Многие авторы считают, что победившие державы сделали большую ошибку, не пригласив на Парижскую конференцию Германию и Россию, которые имели собственный взгляд на послевоенный мир. По нашему убеждению, участие этих двух стран в мирной конференции только обострило бы обсуждение вопросов и не содействовало принятию позитивных решений. Может быть, именно поэтому в Потсдаме в 1945 г. не оказалось побежденных немцев.

Нам представляется малопродуктивным и, более того, категорически неверным рассматривать Версальский миропорядок только как средоточие «межимпериалистических противоречий», ведущих к новой войне. В Версальскую систему закладывались новые международно-правовые нормы: открытая дипломатия, право народов на самоопределение, признание суверенитета и национальной независимости государств, их территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела, всеобщего разоружения, коллективная безопасность. Естественно, что реалии и практика послевоенных международных отношений оказались сложнее провозглашенных принципов, прежде всего потому, что они преломлялись сквозь призму национальных интересов акторов нового миропорядка. Этим можно объяснить внутреннюю

противоречивость Версальской системы, недостаточную эффективность её инструментария и ограниченную способность сохранить мир на длительное время.

Необходимо учитывать, что Версальский миропорядок имел явных врагов и скрытых недоброжелателей. Он демонстративно отвергался в Германии всеми политическими силами – от националистов до коммунистов. Немцы были недовольны потерей на европейском континенте 13% довоенной территории, 10,5% населения и всех колониальных владений, огромными репарациями (132 млрд марок), фактической ликвидацией армии и военно-морского флота. Встав на путь конфронтации с победителями, Германия в апреле 1922 г. подписала с советской Россией откровенно антиверсальский Рапалльский договор. В январе 1923 г. германское правительство прекратило выплату репараций, чем спровоцировало оккупацию Рурской области франко-бельгийскими войсками. Европа оказалась в состоянии серьезного политического кризиса.

Серьезным ударом по Версальской системе явился отказ США ратифицировать Версальский договор, участвовать в Лиге Наций и гарантировать безопасность франко-германской границы. Вслед за США британское правительство также аннулировало гарантийный пакт с Францией. Франция фактически осталась один на один с Германией. Версальский миропорядок потерял управляемость и был окончательно деморализован. Встал вопрос о преодолении кризиса Версальского миропорядка путем урегулирования франко-германских отношений. Потребовались серьезные изменения в политическом руководстве Германии и Франции, чтобы осознать пагубность начавшегося противостояния. В 1923–1924 гг. в Германии и Франции к власти пришли политики, которые мыслили категориями не ультиматумов, а мира, компромисса и безопасности.

Кризисная ситуация на европейском континенте беспокоила и правящие круги Великобритании. В отечественной литературе обычно принято объяснять ее европейскую политику традиционным стремлением к сохранению баланса сил на континенте и боязнью французской гегемонии, противовесом которой должна была выступать «не слишком ослабленная» Германия. Современные же английские авторы отмечают, что и сразу после Версаля, и накануне Локарнской конференции в британском политическом руководстве не было абсолютного единства взглядов на перспективы европейской политики. Ее основной вектор складывался как результат дискуссий между сторонниками преимуще-

ственно профранцузской и условно прогерманской позиций тех, кто определял политику Великобритании на континенте [5, p. 102–103].

Предложенный в начале 1925 г. О. Чемберленом проект англо-франко-бельгийского союза не только предполагал гарантии безопасности его континентальным участникам, но и должен был компенсировать моральные потери французов в результате неудачной рурской авантюры и вынужденного согласия с изменениями репарационной схемы. «Франкофильская» позиция Чемберлена выражала, таким образом, только одну из тенденций английской политики внутри Версальской системы. К 1925 г. влиятельное большинство в британском руководстве признавало необходимость ревизии основных версальских постановлений, главным образом за счет изменения англо-германских отношений. Штреземан как трезвомыслящий и гибкий политик чутко уловил эти перемены, в чем ему активно содействовал английский посол в Берлине д'Абернон. Нам представляется, что британские политические круги опасались не только и не столько французской гегемонии, сколько возрождения немецкого реваншизма. Трезвая позиция Штреземана и его сторонников могла стать реальным противовесом реваншистам. Эти соображения в конечном счете заставили Чемберлена отказаться от своего первоначального проекта в пользу соглашения с участием Германии [6, p. 239–240]. Он понимал, что антигерманская позиция Франции объясняется тем, что она не чувствует себя в безопасности. Очередной франко-германский конфликт затронет и Великобританию. Таким образом, в Лондоне пришли к выводу, что граница британской безопасности проходит не только по Ла-Маншу, но и по Рейну. В начале 1925 г. британский кабинет предложил германскому правительству выйти на французов с инициативой о заключении пакта безопасности, который бы подтверждал неизменность германо-французской границы. При этом Великобритания соглашалась взять на себя функции гаранта. 9 февраля германский посол в Париже Геш вручил конфиденциальный меморандум французскому правительству с соответствующим предложением. С этого времени в течение нескольких месяцев между европейскими столицами велась оживленная переписка с обсуждением германского меморандума. Париж проявил значительное благоразумие и после некоторого колебания пошел на компромисс.

В ходе работы Локарнской конференции были окончательно согласованы и парафированы пять документов, известных как Локарнские соглашения: Договор о взаимной гарантии между Гер-

манией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией (Рейнский гарантийный пакт), Арбитражное соглашение между Германией и Францией, Арбитражное соглашение между Германией и Бельгией, Арбитражный договор между Германией и Польшей, Арбитражное соглашение между Германией и Чехословакией. Кроме того, вне повестки дня конференции Франция парафировала гарантийные договоры с Польшей и Чехословакией. 1 декабря 1925 г. Локарнские соглашения были подписаны в Лондоне. Они вступили в силу в сентябре 1926 г. после приема Германии в Лигу Наций.

По Рейнскому гарантийному пакту Германия и Франция отказались от взаимных территориальных претензий и взяли на себя обязательство сохранять неприкосновенность существующих между ними границ как окончательных и не подлежащих пересмотру. Они также согласились не нападать друг на друга, соблюдать демилитаризацию Рейнской зоны и разрешать все спорные вопросы обычными дипломатическими средствами или путем арбитража. Роль главных гарантов нерушимости франко-германской границы взяли на себя Великобритания и Италия.

Основные дискуссии развернулись вокруг проблем безопасности Польши и Чехословакии. Еще в ходе предварительных обсуждений Германия отказалась от гарантии своих восточных границ, ибо считала их недолговечными. В инструкции, полученной германской делегацией, указывалось, что на конференции она не должна соглашаться на гарантии западных держав германо-польской и германо-чехословацкой границ. Французская сторона настаивала на подписании гарантийных договоров и со своими восточными союзниками: Польшей и Чехословакией. Однако под давлением Великобритании французский министр иностранных дел А. Бриан был вынужден уступить. В арбитражных договорах прописывались механизмы урегулирования спорных проблем между Германией и её восточноевропейскими соседями политическими методами. Вступление Германии в Лигу Наций с её механизмами безопасности должно было обеспечить мир в Восточной Европе. Однако Польша и Чехословакия не вошли в систему европейской безопасности.

На конференции активно обсуждался вопрос об отношении Германии к ст. 16 Устава Лиги Наций. Статья предусматривала участие всех членов Лиги в полной мере в санкциях против страны-агрессора. Штреземан поставил вопрос о нераспространении положений этой статьи на Германию, ссылаясь на ее экономическую и военную слабость. Этим он преследовал несколько

целей. Во-первых, обращал внимание на неравноправное положение Германии в области вооружений. Во-вторых, добивался самостоятельности в решении вопроса об участии в коллективных санкциях. По настоянию Штреземана конференция приняла документ, в котором подчеркивалось, что каждый член Лиги Наций участвует в санкциях в той мере, которая соответствует его военному и географическому положению.

Принятые на конференции решения буквально всколыхнули Европу. О. Чемберлен, Г. Штреземан, А. Бриан стали лауреатами Нобелевской премии мира. В Лондоне, Париже, Риме, Брюсселе газеты восторженно писали о «чуде Локарно». В палате общин британского парламента против ратификации Локарнских соглашений проголосовало только 13 депутатов из 413. В Варшаве и Праге были более сдержанны и не разделяли этих восторгов, хотя Польша и Чехословакия получили дополнительные гарантии собственной безопасности со стороны Франции.

В Берлине оценки политиками Локарнских соглашений резко разделились. Лидер националистов Вестарп заявил, что они не отвечают «жизненным интересам» Германии [7, р. 207], ибо последняя не вернула потерянных территорий. Лидер Немецкой демократической партии Кох-Везер назвал Локарно лишь этапом на пути «к свободе и демократии» [8, р. 298]. О неоднозначном отношении немцев к Локарнским решениям говорят результаты голосования в рейхстаге. За ратификацию проголосовало 292 депутата, против – 174.

Москва, которую преследовал кошмар «единого антисоветского фронта», считала, что в Локарно был создан новый блок империалистических государств, который «острием своим направлен против СССР» [9, с. 245]. Еще на этапе подготовки конференции советское правительство пыталось не допустить Локарно, сближения Германии с западными державами и ослабления германо-советских отношений. Советский Союз был заинтересован в сохранении европейской напряженности. В речи на III съезде Советов СССР в мае 1925 г. наркоминдел Г.В. Чичерин предупреждал Германию, что ее сближение с Западом оценивается советским правительством как вступление в антисоветский фронт, что окажет негативное воздействие на советско-германские отношения [10, р. 380, 388]. Летом 1925 г. Чичерин публикует в газете «Известия» несколько статей без подписи либо за подписью «Осведомленный» с резкой критикой европейской политики Великобритании, подчеркивая ее антисоветизм. Советский нарком отмечал, что Великобритания стремится использовать Гер-

манию в качестве орудия против СССР [10, с. 393]. Чичерин пытался настроить Польшу против Локарно, указывая в своих публикациях на «предательскую» политику британского правительства по отношению к польскому государству. В статье от 10 сентября Чичерин писал, что Англия намеревается компенсировать отрыв Германии от СССР за счет Польши [10, с. 463].

Локарнские соглашения как бы подталкивали советское руководство к выводу, что преодоление международной изоляции и превращение СССР в полноценного партнера европейских стран возможны только на путях отказа от идеологии мировой революции и вмешательства во внутренние дела иностранных государств.

Естественно, Локарнские соглашения не решали всех проблем европейской безопасности. В Локарно были и потери, и приобретения. Нам хотелось бы подчеркнуть прежде всего то, что участники Локарнской конференции продемонстрировали верность основному принципу дипломатии: готовность к компромиссу, к взаимопониманию. Локарнские решения сглаживали накопившиеся противоречия и стали важным шагом на пути к взаимному доверию европейских стран. В Локарно была зафиксирована новая тенденция в Версальском миропорядке: возвращение Германии в концерн ролевых европейских государств. Версальская система тем самым обнаружила механизмы внутреннего саморазвития и саморегулирования, гибкость и эластичность. Это означало устойчивость Версальской системы международных отношений, жизнеспособность её основных принципов. Локарнские соглашения указывали, что укрепление мира и безопасности в Европе возможно только на пути взаимных уступок и роста доверия между странами.

Сближение Германии с западными демократиями укрепляло и расширяло позиции внутригерманских демократических сил и веймарского парламентаризма, ослабляло влияние национал-реваншистских организаций. Это было ещё одним подтверждением того, что решить германский вопрос становилось возможно не военным, а дипломатическим путем. Прием Германии в Лигу Наций означал, что эта международная организация перестала быть инструментом Антанты для политического подавления побежденных.

Новые тенденции в отношениях европейских государств получили название «Локарнский процесс». Он был разрушен Гитлером, пришедшим к власти в январе 1933 г. на мощной волне правого радикализма, вызванной мировым экономическим кризисом. В марте 1936 г. германское правительство заявило, что рати-

фицированный французским парламентом договор о взаимопомощи с СССР противоречит Локарнским соглашениям, а потому оно не считает себя больше связанным с Рейнским гаран-

тийным пактом. Таким образом, не Локарно, а геополитические устремления гитлеровской Германии открыли путь к военному столкновению в Европе.

Литература

1. Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 41.
3. История дипломатии. М., 1965. Т. III.
4. Горохов В.Н. История международных отношений. 1918–1939. М., 2004.
5. Johnson D. The Locarno Treaties // Troubled Neighbours. Franco-British Relations in the Twentieth Century. L., 1971.
6. Dutton D. Austen Chamberlain: Gentleman in Politics. Boston, 1985.
7. Stresemann G. Vermaechtnis. B., 1932. Bd. 2.
8. Stephan W. Aufstieg und Verfall des Linksliberalismus 1918–1933. Geschichte der Deutschen Demokratischen Partei. Goettingen, 1973.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3.
10. Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.